

*А. О. Дружевский, Н. В. Эйльбарт**

**ЭВОЛЮЦИЯ МИФА ИВАНА ГРОЗНОГО
В СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ:
ОТ КОМИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА ДО «КРАСНОГО ЦАРЯ»****

Статья затрагивает проблему эволюции мифа Ивана Грозного в советской драматургии. В 1920–1930-е годы в пьесах М. А. Булгакова это комический персонаж, отражающий пороки современного писателю сталинского правления. В 1940–1950-е годы в произведениях А. Н. Толстого и В. А. Соловьева Грозный — великий государственный деятель, основатель могущественного Московского государства, «народный» или «красный» царь, думающий о благе своих подданных. На закате советской власти, в 1970–1980-е годы, миф о Грозном вновь приобретает черты многогранности: в пьесе В. И. Орлова жестокость и авторитарность царя не умаляет его достоинств талантливого полководца и реформатора.

Ключевые слова: Иван Грозный, миф, советский период, драматургия, М. А. Булгаков, А. Н. Толстой, В. А. Соловьев, В. И. Орлов.

A. O. Druzhevsky, N. V. Eylbart

*THE EVOLUTION OF THE MYTH OF IVAN THE TERRIBLE IN SOVIET DRAMA:
FROM A COMIC CHARACTER TO THE “RED TSAR”*

The article touches upon the problem of the evolution of the myth of Ivan the Terrible in Soviet drama. In the 1920–1930s in the plays of M. A. Bulgakov is a comic character, reflecting the vices of the contemporary writer of Stalin's rule. In the 1940–1950s, in the works

* Дружевский Антон Олегович, методист 2-й категории, Президентская Библиотека им. Б. Н. Ельцина; аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века, РГПУ им. А. И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия; adruzhevskij@mail.ru

Эйльбарт Наталия Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века, РГПУ им. А. И. Герцена; Русская христианская гуманитарная академия; ejlbart@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–01407, <https://rscf.ru/project/22-28-01407/>; Русская христианская гуманитарная академия.

of A. N. Tolstoy and V. A. Soloviev Ivan the Terrible is a great statesman, the founder of the might of the Moscovite state, the “people’s” or “red” tsar, who thinks about the welfare of his subjects. At the decline of Soviet power, in the 1970–1980s, the myth of Ivan the Terrible again acquires the features of versatility: in the play by V. I. Orlov cruelty and authoritarianism of the tsar do not detract from his merits as a talented commander and reformer.

Keywords: Ivan the Terrible, myth, Soviet period, dramaturgy, M. A. Bulgakov, A. N. Tolstoy, V. A. Soloviev, V. I. Orlov.

Советская эпоха, неоднородная в плане идеологических нюансов на разных этапах своего существования, ознаменовалась сценическим появлением Ивана Грозного в двух новых, доселе невиданных зрителем ипостасях. В первые два десятилетия советской власти Грозный был «заблудившимся во времени» комедийным персонажем, однако в тяжелые для страны годы Великой Отечественной войны трансформировался в «красного», «народного» царя, коим он оставался до середины 1970-х годов, после появления знаменитой комедии Л. И. Гайдая по пьесе М. А. Булгакова «Иван Васильевич».

Гениальный русский писатель и талантливый врач М. А. Булгаков, 130-летие которого отмечалось в мае 2021 года, неоднократно обращался к образу первого русского царя. Гонимый, затравленный, запрещенный, лишенный средств к существованию, он, словно жертва опричнины, искал помощи и поддержки. Как известно, только телефонный разговор писателя с И. В. Сталиным немного улучшил ситуацию. Пьеса Булгакова «Блаженство», где одним из персонажей выступал Грозный, была задумана в конце 1920-х годов. Она упоминается писателем в письме к правительству СССР, в котором писатель говорит, будучи под впечатлением запрета «Кабалы святош», сюжет несколько своих пьес, в т. ч. и ранний текст «Блаженства»: «Погибли не только мои прошлые произведения, но и настоящие и все будущие. И лично я, своими руками, бросил в печку черновик романа о дьяволе, черновик комедии» [7, с. 105]. Исследователь Т. М. Ватихова называет письма к правительству «литературным фактом» [15, с. 5–24]. Крупнейший булгаковед М. О. Чудаква отмечает, что «первые сохранившиеся заметки для пьесы “Блаженство” сделаны 26 мая 1933 года» [18, с. 495]. Жена Булгакова записывала в дневнике все, что касалось творчества супруга, поэтому известна точная дата окончания работы над произведением: 12 апреля 1934 года [7, с. 194]. Первые правки текста «Блаженства» относятся к 17 апреля 1934 года [9, с. 315]. Еще в мае 1933 года писатель заключил договор с Ленинградским мюзик-холлом на «эксцентрическую синтетическую трехактную пьесу» с неустановленным названием, и тогда же были сделаны на отдельном листке первые наброски «Блаженства». Как отмечает Я. С. Лурье, Иван Грозный фигурировал еще в одной из редакций романа «Мастер и Маргарита» («Копыто инженера» или «Консультант с копытом»). Царь первоначально был показан в ней юродивым, в его уста писатель вложил такие слова: «Почто пугаешь царя, Иванушка. На тебе денежку, Иванушка-верижник, божий человек, помолись за меня» [9, с. 316]. Уже в первой редакции «Блаженства» появляется в нескольких эпизодах совсем иной Грозный. Булгаков вносит существенный вклад в развитие образа царя. По словам Е. А. Яблокова, «в качестве “промежуточных” подтекстов булгаковских фабул выступают события эпохи Ивана Грозного» [19, с. 12].

28 апреля 1934 года в письме П. С. Попову Булгаков сообщает о ситуации с «Блаженством», которая возникла, когда он читал ее перед труппой Театра сатиры: «Все единодушно вцепились и влюбились в Ивана Грозного. Очевидно, я что-то совсем не то сочинил» [7, с. 198]. Иван Грозный становится не просто символом неограниченной и жестокой власти, но и связующим звеном между прошлым и будущим. Он является в советскую Москву, чтобы подчеркнуть преемственность эпох: эпохи Грозного-царя и сталинского времени. Однако театральная дирекция настаивает, чтобы автор внес в пьесу переделки и окунулся больше в прошлое, нежели в будущее: «Им грезится какая-то смешная пьеса с Иваном Грозным, с усечением будущего. Они считают, что это уже есть, как зерно, в пьесе, в первом появлении Ивана Грозного» [7, с. 202]. Таким образом, писатель получил заказ на создание комического образа государя. Аналогии настоящего и будущего опасны, а высмеять царя было с точки зрения идеологии выгодно, чтобы придать значимость советскому настоящему. К 16 мая 1934 года Булгаков имел уже четыре запроса о пьесе «Блаженство» [7, с. 231]. Это говорит о популярности истории в обществе, желании прикоснуться к далекому прошлому. 17 сентября 1934 года Театр сатиры просил писателя «сделать комедию, в которой бы Иван Грозный действовал в современной Москве» [7, с. 233]. Автор согласился на переделки только к 30 сентября. Однако он диктовал наброски для измененной пьесы, уже под названием «Иван Васильевич», только 30 ноября 1934 года [7, с. 242].

В первой редакции «Блаженства» герои произведения — инженер Рейн и управдом Бунша — застают царя за работой над «Посланием в Кирилло-Белозерский монастырь» [3, с. 348]. Следовательно, Булгаков переносит нас в 1573 год, когда оно было написано: «В пречестную обитель Успения пречистой Богородицы и нашего преподобного отца Кирилла-чудотворца, священного Христова полка наставнику, вождю и руководителю в небесные селения, игумену Козьме с братиею во Христе, царь и великий князь Иоанн Васильевич челом бьет» [6, с. 145]. Далее царь попадает в Страну Советов, то есть Булгаков использует ставший тогда модным прием фантастической литературы — попаданчество. Первая встреча с советской действительностью повергает государя в ужас, и он скрывается на чердаке, где и проводит все время в «настоящем» [3, с. 110]. Автор передает атмосферу недоверия и доноительства в 1930-е годы: Бунша-Корецкий, скрывающий свое княжеское происхождение, ябеда и подхалим, трясущийся за свою должность, секретарь домкома в Банном переулке, звонит в вышестоящие инстанции, чтобы снять с себя ответственность за последствия опыта физика Рейна: «У нас физик Рейн без разрешения сделал машину, из которой появился царь!.. Снимаю с себя ответственность» [3, с. 110].

Мы не будем останавливаться на перипетиях путешествия героев в светлое будущее, ибо это не имеет никакого отношения к образу царя в литературе. По словам Н. Н. Мутьи, Булгаков иронизирует в этом произведении: советская страна совершила «прорыв» в прошлое, а не в будущее [10, с. 353]. Иван Грозный, символ кровавой самодержавной власти, вступает в противостояние с символом власти советской — милицией, которая пытается его задержать. Царь раздосадован, что оказался в непривычной для него обстановке; при-

читает, молится, отгоняет демонов. В первой редакции сцен будущего некий Радаманов говорит инженеру Рейну: «Я плоховато знаю историю. Да это и неважно. Иван ли, Сидор, Грозный ли... Голубь мой, мы не хотим сюрпризов... Вы улетите... Кто знает, кто прилетит к нам?» [3, с. 374]. В то же самое время герои пьесы попадают в XXIII век, где человек развивается гармонично, нет классов, но общество утратило интерес к истории, не помнит ее четко, и в окончательном варианте пьесы диалог героев выглядит так:

Радаманов. <...> сейчас там, в той Москве, мечется этот... как его... Василий Грозный... Он в девятнадцатом веке жил?

Рейн. Он жил в шестнадцатом, и его звали Иван.

Радаманов. Прошу прощения, я плоховато знаю историю [3, с. 99].

Примечательно, что в черновиках писателя сохранилось упоминание о том, что изначально героем пьесы должен был быть не царь Иван Грозный, а Николай I, также зарекомендовавший себя как душитель всяческих свобод и получивший прозвище «Палкин» [3, с. 348]. В примечаниях к тексту «Блаженства» Булгаков сделал записи, посвященные времени правления Ивана Грозного. Одна из записей писателя содержит дату смерти царя — 16 марта 1584 года [2, с. 840]. На самом деле царь умер 18 марта 1584 года. Это говорит о том, что у Булгакова были смутные представления об историческом образе Ивана Грозного. Писатель хотел отразить не точные исторические факты, а жестокость времени, в котором жил, преемственность властного произвола, бюрократизм, цинизм, доноительство. Литературовед Е. А. Яблоков отмечает устойчивость «машин времени» и на первый взгляд парадоксальную ненужность такой «машин»: выясняется, что «иные» времена мало чем отличаются от современности [19, с. 116]. М. А. Булгаков показывает, к чему приводит забвение собственной истории и как человек в обществе теряет личную свободу. Таким образом, эпизод с царем Иваном Грозным, кажущийся на первый взгляд незначительным, несет важную идеологическую нагрузку. Своим произведением автор дает понять, что у человечества без знания истории нет будущего. Общество будущего основано на принуждении. Поэтому царь Иван Грозный в пьесе «Блаженство» как символ несвободы на своем месте.

30 ноября 1934 года Булгаков приступил к наброскам пьесы «Иван Васильевич». По воспоминаниям Е. В. Булгаковой, к 22 декабря 1934 года писатель одновременно работал над несколькими произведениями [7, с. 247]. 2 октября 1935 года он уже читал «Ивана Васильевича» с бешеным успехом у себя в квартире [7, с. 289].

17 октября 1935 года состоялся «звонок из Реперткома в Сатиру: пять человек в Реперткоме читали пьесу, все искали, нет ли в ней чего подозрительного? Ничего не нашли. Замечательная фраза: “А нельзя ли, чтобы Иван Грозный сказал, что теперь лучше, чем тогда?”» [7, с. 291]. 1 ноября 1935 года М. А. Булгаков читал в труппе Сатиры «Ивана Васильевича», громадный успех [7, с. 294]. 18 ноября состоялась первая репетиция пьесы [7, с. 295]. 10 марта стало понятно, что «Ивана Васильевича» снимают с репертуара. Как сообщает Е. С. Булгакова, 5 апреля Михаил Афанасьевич диктовал исправления к пьесе [7, с. 311]. 13 мая 1936 года состоялась генеральная репетиция, на ней

присутствовали члены партии. После просмотра пьеса была запрещена [7, с. 313]. В своей автобиографии, написанной 20 марта 1937 года, писатель подтверждает, что пьеса была подготовлена к выпуску и снята после генеральной репетиции [1, с. 40].

Булгаков в «Иване Васильевиче» вновь обратился к личности деспота Ивана Грозного. Советский исследователь В. А. Сахновский-Панкеев считал, что в пьесе нет и не должно быть «проблемы Грозного» и царь при случае может быть заменен любым другим персонажем [12, с. 136]. Однако Иван Грозный помог автору полнее раскрыть новый образ царя — комический. Сохранилось две основных редакции пьесы: первоначальная (получерновой автограф) и более поздняя (машинописный текст) [9, с. 317]. В более поздней редакции все происходящие события подаются как сон инженера Тимофеева. В первой редакции присутствовала сцена, в которой инженер Тимофеев слушал лекцию о свиноводстве (резкая аллегорическая критика советской действительности) — она была заменена на радиопостановку «Псковитянка», которая звучит по радио и объясняет появление правителя во сне инженера Тимофеева. Автор нарочно вводит данный сюжет, чтобы показать, что советский человек (инженер Тимофеев) не чужд русской культуры и истории, а также чтобы «понизить градус» оппозиционности пьесы. В «Блаженстве» появление Ивана Грозного лишь эпизод, а в «Иване Васильевиче» сцены с государем занимают одно из центральных мест. Изображение эпохи Ивана Грозного в пьесе получилось весьма выразительным и однозначным.

Автор ставит в произведении проблему двойников: царь — вылитый управдом, а управдом временно исполняет царские обязанности. Исследователь В. И. Сахаров развивает мысль о том, что «Ивана Васильевича» отличают сюжетная теснота, сжатость, единый темп, блестящий диалог, глубина и меткость, мастерское сцепление комических ситуаций [13, с. 139]. Также вышеназванный булгаковед полагает, что «в комедии Булгакова изображения Грозного более реалистичны и историчны, чем нарочито статичные в своих вычурных позах, иконописные, декоративно-стилизированные Толстого — Эйзенштейна» [там же]. Литературовед Е. А. Яблоков справедливо полагает, что «...мотив машины времени у Булгакова не опровергает, а подкрепляет идею “цикличности” истории» [19, с. 116]. В «Иване Васильевиче» тема «перевертыша», двойника — главная: фабулу движет сюжет смены социального положения Ивана Грозного и Бунши. По словам Е. А. Яблокова, «в комедии пародийно реализуется идея диалектического единства трусливого обывателя и диктатора» [19, с. 369]. В первой редакции пьесы путешествие героев заканчивается отправкой в милицию всех основных персонажей, кроме царя [2, с. 657]. Не случайно, что управдом Бунша, вор Милославский и инженер Тимофеев застают Ивана Грозного диктующим именно послание в Кирилло-Белозерский монастырь: «...и руководителю...» [3, с. 147]. Таким образом, автор предвещает смену позиций царя и управдома, которые являются своего рода руководителями на своих местах.

В эпизоде, когда Иван Грозный попадает в Москву 1930-х годов, он показан человеком религиозным. Он думает, что «демоны» являются ему за его прегрешения. В сцене беседы царя с инженером Тимофеевым аллегорически

изображаются отношения власти с человеком науки, и фамилия инженера выбрана не случайно: Иван Тимофеев — реальное историческое лицо; он является автором «Временника», где рассказывается о причинах Смутного времени. Царь вспоминает, что, когда один из приближенных смастерил крылья, он его посадил на бочку с порохом. Иван Грозный предлагает собеседнику применить к людям те методы наказания, которыми пользуется сам: «Пытать его, вот он и признается»; «им головы отрубят и всего делов»; «Как поймают, Якина на кол посадить. Это первое дело» [3, с. 149–150]. Тем самым автор проводит аналогии со сталинским террором в 30-е годы XX века. Однако царь бывает не только жесток, но и милостив. Он жалует инженеру Тимофееву золотые монеты для покупки новых деталей для машины времени. В разговоре со Шпаком Грозный представлен милостивым судьей, который судит в пользу пострадавшего, одаривая Шпака монетой. В разговоре с режиссером Якиным царь пытается укрепить его отношения с Зинаидой и приказывает ему жениться на ней. В сцене разговора ограбленного Шпака с царем Иван Грозный представлен разгневанным правителем, который не привык получать «челобитие» от простого народа. Когда Иван Грозный узнает, что Милославский и Бунша без его ведома управляли государством, он в ярости разбивает аппарат (машину времени). Не случайно, что в эпоху сталинского террора автор заканчивает пьесу тем, что «милиция выводит всех из квартиры» [3, с. 170]. Таким образом, в пьесе «Иван Васильевич» Иван Грозный предстает многогранным; но все же жестокость перевешивает в нем все остальные качества, в произведении прослеживаются яркие аналогии с советской действительностью. Через комизм персонажа раскрывается отношение автора к радикальным методам управления — казням: М. А. Булгаков показывает их недопустимость. Таким образом, оценивая прошлое с позиций современности, автор нарушает принцип историзма.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны А. Н. Толстой пишет дилогию «Иван Грозный», объединяющую две пьесы: «Орел и орлица» и «Трудные годы» (1943–1944 гг.). Об интересе Толстого к личности Ивана Грозного было известно и раньше. 31 января 1935 года директор литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич рассказывал писателю А. М. Горькому: «Алексей Николаевич... очень много посвящает времени истории Иоанна Грозного, собирает материалы — книги, портреты, и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр, колоритнее и разнообразнее. Хочет о нем писать» [16, с. 618]. Таким образом, писатель рассматривал царя Ивана Грозного как политического предшественника императора Петра Великого. Уже в статье 1941 года Толстой показывает царя Ивана Грозного, как создателя русского государства: «... Иван Грозный замыслил образовать из самостоятельных или подчиненных Москве княжеств единое русское государство, народ понял это и поддержал его в жестокой борьбе с князьями и боярами, в неслыханной по дерзости военной реформе — опричнине и в кровопролитных войнах за древние русские вотчины. Многолетняя, победная в начале, борьба Ивана Грозного окончилась военной неудачей, но русское государство было создано и широко раскинулось до Каспия и до Байкала. Земля стала единой и отечество единым» [17, с. 2]. Исследователь И. Кондаков считает, что эпоха Ивана Грозного была для России

неизбежна и в ней прослеживаются истоки царствования Петра Великого: «И Петр, как позже Иван Грозный, предстали перед читателями и зрителями А. Толстого как “красные цари”, как “цари-революционеры”, как прямые предшественники Ленина и Сталина. Выстраивалась прямая, быть может, слишком прямая, логика исторического самоосуществления России — через жесточайшие переломы, через массовые жертвы и террор, через беспощадное самоутверждение тиранов. Получалось, что у России и нет иного пути цивилизационного развития, как искоренение варварства варварскими средствами» [8, с. 8]. Историк С. Б. Веселовский в статье «О драматической повести “Иван Грозный” А. Н. Толстого» утверждает, что раз в произведении нет фабулы, то это не повесть, а «серия эпизодов», характеризующих Грозного-царя» [4, с. 35].

В произведении царь появляется не сразу, а только в середине первой картины, где он показан во время болезни в 1553 году. Он требует, чтобы бояре целовали крест на верность царевичу Дмитрию. Автор отмечает религиозность царя, например при разговоре с блаженным, его уважение к простому человеку. Истинное удовольствие правитель находит в общении с Малютой Скуратовым и Федором Басмановым. Но все-таки царя тяготит одиночество: «Я здесь — один, равно, как в заточении, меж лютых врагов моих» [16, с. 606]. В минуты одиночества царь вспоминает отравленную боярами царицу Анастасию. Стоит отметить, что автор повести не придерживается хронологического принципа изложения событий, использует фантазию и вымысел. Такой подход к написанию исторического произведения С. Б. Веселовский называет «бесцеремонностью» [4, с. 37]. Также исследователь отмечает низкий уровень разговорной культуры царя и его приближенных: «...обращаются друг к другу с нарочитой грубостью и фамильярностью. По-видимому, автор полагал, что такой стиль разговора лучше всего характеризует невысокий уровень культуры людей того времени» [4, с. 39]. Мы полагаем, что автор нарочно примитивизирует речь героев, чтобы их переживания и чувства были понятны рядовому советскому человеку.

Иван Грозный чувствует, что в стране назревает боярский заговор против него, а в предстоящей Ливонской войне ищет славы. С каждым днем в царе все больше проявляется самовластие и гордость. Он начинает тяготиться влиянием членов «Избранной рады». Государь высказывает основную национальную идею своего царствования: «Мир не для лжи и суеты создан. Быть Третьему Риму в Москве. Русская земля непомерна» [16, с. 618].

Красной нитью в пьесе Толстого проходит идея о том, что устроитель государства не может иметь близких друзей. Он всегда одинок в своих начинаниях и верит, что сможет свершить великие дела. Мы видим царя и талантливым полководцем, тактиком и стратегом во время Ливонской войны. Тем самым проступает очевидная аллюзивная связь с личностью Сталина. Не случайно патриотическое произведение Толстого появляется во время Великой Отечественной войны: оно отсылает нас к богатому военному опыту предыдущих веков.

Еще одной основной идеей пьесы Толстого является допустимость жестокости правителя к изменникам и врагам государства, в том числе к Андрею Курбскому: «А я еще казней на них не воздвигал... Еще не воспалился разум мой...» [16, с. 642]. Тем самым автор показывает, что изменения в сознании

государя происходили постепенно. От многочисленных проблем царя спасает сильная любовь к Марии Темрюковне: «Не сыт я тобой. До гроба сыт не буду. Ярочка белая, стыдливая... Глаза дикие, глаза-то угли» [16, с. 643]. В сцене на Лобном месте царь Иван называет народ «милые мои» и из-за изменников хочет уехать куда-нибудь подальше от Москвы, оставляя вместо себя татарина Симеона Бекбулатовича (мы видим в этой сцене историческую ошибку: царь Иван Грозный, уезжая в декабре 1564 года в Александровскую слободу, не оставлял Симеона Бекбулатовича правителем вместо себя, это произошло лишь в 1574 году). В придуманной сцене покушения на Ивана Грозного Василий Блаженный заслоняет его от стрелы, принимая на себя смертельный удар. Этим автор хочет показать отношение народа к своему царю. Сам факт покушения на царя говорит о наличии оппозиционных элементов в государстве. Толстой в этой сцене делает попытку встроить в ткань сюжета историческую концепцию Р. Ю. Виппера: «... в 1564 году произошел определенный социальный сдвиг, который особенно ярко обозначен учреждением опричнины. Грозный действует в интересах главным образом среднего поместного землевладения...» [5, с. 362]. Сцена беседы царя с Малютой Скуратовым показывает, что жизнь отдельного человека ничтожна для жестокого тирана. Царь открывает своему наперснику формулу тиранства правителя: «То добро, чтоб верить человеку. А что ж, и обманут. Девять обманут — казни их. Десятый не обманет. За десятого бога благодари. Десятый найден, люби его. Достаточно у меня темных ночей да собачьего воя, допросов к совести моей. Не для кровопийства утверждаем царство наше в муках» [16, с. 657].

Во второй части дилогии, которая называется «Трудные годы», Иван Грозный пытается отвлечься от измен и заговоров делами внешней политики. Однако это ему не всегда удается. Тема отношения к изменникам волнует государя и при беседе с литовским послом Константином Воропаем. С радостью правитель принимает к себе на службу немца Генриха Штадена, так как уверен в его безоговорочной преданности. В сцене с боярами Иван Грозный интересуется мнением приближенных о целесообразности продолжения Ливонской войны. Однако этот интерес не искренний. Несогласных с мнением государя, новгородского архиепископа Пимена и боярина Федорова-Челяднина, жестоко наказали. Уважение питает царь к Юрию Козлову, который на допросе называет государя варваром и протягивает ему свой, отрезанный собственноручно, язык. Царь перед ливонским королем Магнусом восторгается дерзким поступком холопа: «Русские люди яры, ни мук, ни смерти не боятся: ишь — язык откусил, чтобы товарищей своих не выдать... А чести у него, изменника, больше, чем у тебя...» [16, с. 718–719]. Тем самым автор показывает бесстрашие русского человека перед мучениями и констатирует роль народных масс в историческом процессе.

Весьма красочно Толстой изобразил нападение хана Девлет-Гирея на Москву. Глядя на пожар столицы, Иван Грозный убежден в ее великом предназначении и будущем: «Горит, горит, третий Рим... Сказано — четвертому не быть... Горит и не сгорает, костер нетленный и огонь неугасимый... Се — правда русская, родина человекам...» [16, с. 743]. Историк С. Б. Веселовский считает, что «вся обстановка фальшива и не выдерживает никакой критики», т. е. этот сюжет

Толстому не стоило, по его мнению, вводить в произведение [4, с. 49]. Мы полагаем, что данный эпизод важен, т. к. во время Великой Отечественной войны он психологически поддерживал советский народ, утверждая в умах идею, что, несмотря на все трудности и испытания, нормальная жизнь в условиях войны восстановится и «враг будет разбит. Победа будет за нами». Таким образом, в дилогии А. Н. Толстого «Иван Грозный» переплетается историческая реальность и литературный вымысел. Иван Васильевич показан мудрым, талантливым правителем и полководцем, несмотря на неудачи во внешней политике; простым в общении, благодаря чему его менталитет находит понимание рядовых советских людей, которым, несмотря на проигрыш царя Ивана в Ливонской войне, навязывается образ великого государя.

В 1950-е годы XX века писателем В. А. Соловьевым была закончена пьеса, написанная в стихах, под названием «Великий Государь», затрагивающая тему противостояния России и Запада. Время действия в произведении — 1570-е годы. В боярской среде зреет заговор против царя. На русский престол хотят посадить короля Польши Стефана Батория. Царь Иван Васильевич появляется лишь во второй картине. Речь его проникнута религиозным рвением, видно, что царь — глубоко верующий человек, владеющий образной речью, приводящей собеседников в трепет. Соловьев показывает в своем произведении сильную личность, стремящуюся создать могущественное государство с централизованной властью любыми средствами. В разговоре с Магнусом царь насмешлив и ироничен. К европейским правителям монарх испытывает чувство пренебрежения:

И ежели бы я доподлинно хотел
На трон Ливонский посадить вам ровню,
Я б на него медведя посадил! [14, с. 465].

Однако в данном произведении Иван Грозный показан одиноким правителем, который устал от жестоких казней и расправ. Автор, таким образом, затрагивает важную общественно-политическую проблему одиночества власти. Властитель лишен удовольствия крепкой дружбы, искренности отношений. Кругом лишь холопы, от которых царь ждет беспрекословного подчинения или враги — изменники государства. Только мамка царевичей, Кирилловна, не лебезит перед правителем, а говорит ему в лицо что думает: «В геенне огненной, на противне железном гореть тебе в аду!» [14, с. 483].

В сцене беседы царя с монахом-«чернецом» Соловьев ставит проблему неограниченной деспотической власти. Возможно, в этой сцене имеется ввиду Корнилий Псково-Печерский, убитый, по одной из версий, царским жезлом. Чернец выступает обличителем по отношению к царским деяниям во внутренней и внешней политике. Царь Иван — карающая сила для несогласных с ним. Государь склонен к театральности, поэтому и предлагает монаху-чернецу занять русский трон и ощутить себя правителем:

Уж я не государь. Ты — государь отныне!
Я здесь затем, чтобы помочь тебе принять правление.
Лиха беда начало!

Решай же, государь: с чего начнешь?
Начни с Ливонии, пожалуй? Дай немедля
Полкам, что там стоят, указ идти на Крым!
Так тотчас повели хотя бы Годунову —
Дела он ведает — тебе указ о том,
Как должно, сочинить [14, с. 491–492].

Царь постоянно боится измены и называет приближенных холопами. Во время заседания боярской думы Иван Грозный начинает перепалку с сыном, чтобы не пускать его в Ливонию, на глазах у всех бросает в него посох, тем самым убивая его:

О сын мой!!! Мой Иван!!! Нет... мертв... Уже остыл...
А мертвые... они... не восстанут из праха...
Вот скипетр мой... Вот шапка Мономаха...
Не царь я больше... В монастырь!.. [14, с. 524].

Однако Иван Грозный не ушел в монастырь, а стал требовать беспрекословного подчинения бояр своей воле в делах внутренней и внешней политики.

В произведении царь показан разным: одиноким, жестоким, нетерпимым к измене. В этом и есть его величие как государя. Автор ловко жонглирует историческими фактами, отбирая лишь нужные, чтобы прогрессивно оценить время правления Ивана Грозного.

В 1959 году поэт Вячеслав Иванович Орлов отправляется в г. Александров, в знаменитую резиденцию Александровская слобода, чтобы окунуться в атмосферу допетровской Руси, ощутить аромат далекой эпохи. В результате поездки появляется замечательная трагедия, написанная богатым русским языком, продолжающая традиции классиков отечественной литературы, — «Сын Ивана Грозного». Отметим, что книга писалась с большими перерывами и была завершена лишь в 1997 году. Главные герои — царь Иван Васильевич и царевич Иван Иванович — показаны в роковой для них 1581 год. Конфликт отца и сына трактуется автором не только как бытовой конфликт из-за Елены Шереметевой, но и как политическое противостояние: Иван Грозный боится, что власть наследника укрепит, если он отправит его на Ливонскую войну. В Иване Ивановиче копится огромная обида на отца: «Давно я не наследник! Путь к престолу мне преградил татарин Симеон, который из Кремля страну правил» [11, с. 38]. Видно, что автор при подготовке текста пьесы читал не только сочинения Н. М. Карамзина, но и воспоминания иностранцев, в частности А. Поссевино, который ориентировался на слухи о конфликте в царской семье. Большим достоинством книги служит тот факт, что она написана с использованием народных песен. Сцена смерти царевича по сути является детальным описанием известной картины И. Е. Репина, вынесенной на обложку издания. К сожалению, эта пьеса мало известна широкой публике и текст ее более двадцати лет не переиздавался. С горечью констатируем, что таких глубоких пьес не хватает современному театру.

Таким образом, художественный образ государя в изучаемый период был достаточно разным. В 1920–1930-е гг. в литературе представлен комический образ правителя. Особого внимания заслуживает пьеса М. А. Булгакова

«Иван Васильевич» (переработка пьесы «Блаженство»), в ней царь впервые в литературе путешествует во времени: появляется в сталинской Москве и тем самым как бы является подтверждением «преемственности» пороков тирании. В 1940–1950-е гг. в художественных произведениях Иван Грозный довольно однозначно представлен великим государем и талантливым полководцем, «красным царем». В последние годы советской власти образ Ивана IV хоть и приобретает вновь черты жестокости, грозного нрава, но в тоже время отмечен патриотизмом, самопожертвованием, это государь, без остатка отдающий себя на благо Родины. Можно заключить, что вся многогранность личности царя в той или иной мере нашла свое отражение в пьесах на разных этапах советского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. Автобиография // Воспоминания о М. Булгакове: Сборник. — М.: Советский писатель, 1988.
2. Булгаков М. А. Пьесы и инсценировки 20–30-х годов. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2011.
3. Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов. — СПб.: Искусство-СПб, 1994.
4. Веселовский С. Б. Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. — М., 1999.
5. Виппер Р. Ю. Иван Грозный // Царь Иоанн Грозный. — СПб.: Азбука-классика, 2010.
6. Грозный Иван. Сочинения. — СПб.: Азбука-классика, 2007.
7. Дневник Мастера и Маргариты // Михаил и Елена Булгаковы / сост., предисл., коммент. В. И. Лосева. — М.: Прозаик, 2012.
8. Кондаков И. Наше советское «все» (Русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы. — 2001. — № 4.
9. Лурье Я. С. Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М. Булгакова // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 45. — СПб., 1992.
10. Мутья Н. Н. Иван Грозный: Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. — СПб.: Алетейя, 2010.
11. Орлов В. И. Сын Ивана Грозного. — М.: Современный писатель, 1998.
12. Очерки истории русской советской драматургии: В 3 т. — Т. 2. — Л.; М.: Искусство, 1966.
13. Сахаров В. И. Михаил Булгаков: загадки и уроки судьбы. — М.: Жираф, 2006.
14. Соловьев В. А. Великий Государь // Иван Грозный. Пьесы русских драматургов XIX–XX веков. — М.: Аграф, 2001.
15. Ватихова Т. М. Письма М. Булгакова правительству как литературный факт // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Биография. В 3 кн. — Кн. 3. — СПб.: Наука, 1995.
16. Толстой А. Н. Иван Грозный. — М.: ГИХЛ, 1960.
17. Толстой А. Н. Русские воины // Красная звезда. — 1941. — № 181, 3 августа.
18. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. — М.: Книга, 1988.
19. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. — М.: Языки славянской культуры, 2001.